

Оглавление

Благодарности.....	7
Введение	
Все переплетено.....	13
Глава 1	
Как изучать теории заговора?.....	27
Глава 2	
Крепость Россия: исторический очерк.....	47
Глава 3	
Интеллектуалы и заговор.....	65
Глава 4	
В поисках «агентов перестройки».....	111
Глава 5	
Суверенная демократия и ее враги.....	151
Глава 6	
Битва против «иностранных агентов».....	193
Глава 7	
Тени «цветных» революций.....	217

Глава 8	
Война	255
Глава 9	
Оппозиционная конспирология: еще один взгляд на политику	289
Заключение.....	323
Список литературы.....	335

Благодарности

У этой книги долгая история: с момента, когда у меня впервые возникла идея написать о теориях заговора в России, и до ее выхода из типографии прошло около 14 лет. За эти годы я встретил множество людей, которые помогли мне продумать теоретическую часть работы, подобрать правильные примеры, чтобы проиллюстрировать историю конспирологии в России, критически отнестись к тому, что я говорю и пишу, и словом и делом содействовали тому, чтобы довести этот проект до конца.

Все началось в Томске, в 2005 г., когда Виктор Мучник после кафедрального спецсеминара предложил «повнимательнее» посмотреть на конспирологию. Этот совет во многом определил всю мою академическую карьеру. Однако она никогда не сложилась бы без безграничной поддержки профессора Манчестерского университета Веры Тольц. Она не только поверила в проект, как только увидела описание моей докторской, но и сделала все, чтобы помочь мне стать профессиональным ученым. Вера Тольц и Виктор Мучник по справедливости могут считаться ролевыми моделями настоящего гуманитарного

ученого, и я благодарен судьбе за то, что она свела меня с ними. Внимательное и критическое отношение к идеям и текстам, вдумчивые разговоры с учениками, креативное мышление и фундаментальные знания — все это стало основой формирования моего научного мировоззрения.

Однако подарить идею и поверить в нее — это одно, а создать условия для успешной работы — совсем другое. Мой академический путь пролегал через несколько институций. На кафедре методологии истории исторического факультета ТГУ мне не только дали фундаментальные знания, но и поддерживали мои самые экстравагантные академические идеи, за что спасибо, в первую очередь, Олегу Хазанову и Николаю Соколову. Первый опыт работы в международном коллективе и обсуждения теорий заговора я получил благодаря «Сэферу» — московскому центру научных работников и преподавателей иудаики в вузах. Рашид Капланов, Семен Гольдин, Виктория Мочалова, Ирина Копченова, Анна Шаевич, Михаил Туваль, Даниил Романовский, Виктор Шнирельман — среди тех, кто помог мне ощутить вкус настоящей академической жизни. Майкл Миллер, Алексей Миллер, Антон Пелинка, Миклош Шукошд — профессора Центрально-Европейского университета в Будапеште — сделали многое, чтобы сырая идея проекта о теориях заговора в России превратилась в четкий план работы и, впоследствии, в докторскую, написанную в Манчестерском университете. Там же, в Манчестере, мне повезло поработать с одним из столпов академического изучения теорий заговора — Питером Найтом. Будучи докторантом одной из лучших в мире академических

программ в области славистики, я имел возможность трудиться вместе с прекрасными коллегами Стивеном Хатчинсом, Линн Эттвуд, Елизаветой Алентаевой и Еленой Симмс, а также быть частью активного сообщества молодых исследователей России, среди которых хочется особенно отметить Янека Гриту, Алистера Дикинса, Виталия Казакова, Марко Бьясиоли, Дениса Волкова, Пола Ричардсона, Светлану Горшенину и Кензи Берчелла. И разумеется, отдельную благодарность выражаю моему другу и постоянному соавтору Элизабет Шимфоссл, совместно с которой мы начали в Манчестере многие проекты.

Сама книга была написана в Университете Лидса, где благодаря поддержке коллег и друзей я сумел довести ее до ума и отдать рукопись в издательство. Джеймсу Харрису, Джеймсу Уилсону, Наталье Богославской, Роберту Хорнсби, Натану Брэнду, Павлу Гудошникову, Валерию Частных сердечное спасибо за то прекрасное время, что мы провели вместе, за поддержку и интересные разговоры о России и не только. А представители молодого поколения специалистов по российской политике, истории, антропологии и социологии стали моими главными критиками и помощниками. Среди них Ольга Зевелева, Всеволод Самохвалов, Арсений Хитров, Мариэль Вийермарс, Александра Симонина, Полина Колозариди, Александра Архипова, Тарас Федирко, Лиза Гауфман, Григорий Асмолов, Егор Лазарев, Наталья Форрат.

Я благодарен и своим старшим коллегам — некоторые из них впоследствии стали моими друзьями —

за безусловную поддержку и щедрость. Борис Куприянов, Максим Трудолюбов, Василий Гатов, Ольга Шергова, Сэм Грин, Марлен Ларюэль, Питер Померанцев, Лара Рязанова-Кларк, Люк Марч, Элиот Боренштайн, Стивен Норрис, Зара Торлон, Марк Бассин, Сергей Самойленко, Владимир Гельман, Мария Липман, Юрий Сапрыкин, Анна Наринская, Илья Калинин, Александр Эткинд, Александр Морозов — спасибо вам!

Спасибо моим друзьям: Андрею Рябинину, Вадиму Нигматову, Геворгу Аветикяну, Марии Скрипальщиковой, Юлии Кузмани, Анастасии Степанянц, Ирине Баулиной, Алексею Пономареву, Анне Косинской, Анатолию Каргаполову, Самуилу Вольфсону, Николаю Воронину, Нине Рожановской, Оксане Вожадовой, Сергею Пермякову, Оксане Мороз, Константину Гаазе, Виктору Вахштайну, Андрею Горянову, Тиграну Амиряну, Илье Мясникову, Юлии Эмер, Максиму Буеву, Надежде Древаль, семейству Чурбаковых, Алексею Ковалеву.

Нурие Фатыховой и Наталии Виттол из фонда Генриха Белля я выражаю благодарность за финансовую поддержку в процессе подготовки российского издания книги. Валентине Быковой — за научную редактуру. Коллективы издательств «Polity» (в особенности Джона Томпсона) и «Альпины нон-фикшн» — Павла Подкосова, Александру Казакову и Дарью Петушкову — благодарю за самую возможность издать эту книгу и за помощь в процессе издания.

Всего этого, конечно же, никогда не случилось бы, если бы не моя семья и мои родители — Александр и Ольга Яблоковы. Именно благодаря их любви и заботе у меня многое получилось. Любых слов, чтобы выразить

мои чувства, будет недостаточно. Жаль только, что мой отец уже никогда не прочтет эту книгу. Ему бы понравилось, но и поспорили бы о многом...

И наконец, спасибо Ольге. За все. Что было и что будет.

Санкт-Петербург, январь 2020 г.

*Антирусский заговор, безусловно, существует —
проблема только в том, что в нем участвует все
взрослое население России.*

ВИКТОР ПЕЛЕВИН. GENERATION «П»

*Все переплетено, море нитей, но
Потяни за нить, за ней потянется клубок.
Этот мир — веретено, совпадений — ноль.
Нитью быть или струной, или для битвы тетивой.
Все переплетено, в единый моток.*

ОХХХУМІRON. ВСЕ ПЕРЕПЛЕТЕНО

Введение

Все переплетено

«Это неспроста», «Кому-то это выгодно» — наверняка вам доводилось слышать подобные комментарии к событиям в мире, России или даже собственном городе. Невидимая рука таинственных выгодоприобретателей обнаруживается всякий раз, когда требуется объяснить, почему «обычные люди, как мы» стали жить хуже или почему то или иное несчастье случилось именно с нами. Взрывы в метро, невзлетевшие ракеты, финансовые кризисы — что бы ни происходило в мире и в России, одна объяснительная модель возникает вновь и вновь: это заговор, зловещий план тайной силы, стоящей за чередой исторических событий и превратившей жизнь россиян в мучения.

Чтобы избежать недопонимания предмета исследования, дадим определение теории заговора сразу же, на первой странице: теория заговора — это способ восприятия реальности, основанный на идее о том, что миром правят тайные силы.

Поскольку выражение «теория заговора» состоит из двух частей — «теория» и «заговор», важно пояснить:

заговоры действительно существуют, больше того — они являются частью нашей повседневности. Спецслужбы, политики всех уровней, наконец, чиновники и офисные работники с разными целями договариваются о чем-то, не афишируя эти договоренности, и таким образом пытаются достичь каких-то своих целей. Как же понять, что перед нами **теория** заговора, а не заговор? Те, кто утверждает, что зловещие тайные умыслы реальны, ссылаются на заговоры, существовавшие в истории, — это их главный аргумент. Однако наличие определенных критериев показывает, что перед нами только теория — размышление, интерпретация событий особым образом. Вот эти критерии:

Наличие **тайного плана**, преследующего своей целью уничтожение мира или государства, мировой финансовый кризис. При этом почти никто в мире не подозревает, что такой план существует. О нем мы узнаем из конспирологического текста.

Наличие **тайной организации**, которая и занимается реализацией тайного плана. В ней могут состоять как люди, так и существа, не имеющие ничего общего с *homo sapiens* (например, знаменитые рептилоиды Дэвида Айка¹).

Результатом реализации тайного плана, как правило, становится **ухудшение условий жизни** того сообщества, где данная теория заговора популярна. В редких случаях в современной поп-культуре можно обнаружить тайные общества, пытающиеся защитить человечество от угрозы, но такие примеры невероятно редки (разве что тайные общества супергероев Голливуда).

В сухом остатке тайная организация стремится получить в свои руки **еще больше власти**, чем у нее

есть. В этом плане теории заговора ставят вопрос о власти не хуже большевиков! Впрочем, тут кроется и одно из противоречий конспирологии: если какая-то группа способна организовать глобальный заговор, значит, у нее уже достаточно власти. Но авторы теорий заговора никогда не останавливаются в своих поисках виновных: раз жизнь ухудшается, значит, ненасытные заговорщики продолжают свое черное дело.

Не будет преувеличением сказать, что теории заговора стали одним из самых популярных способов интерпретации социальной и политической реальности постсоветской России. И это не только эмпирические наблюдения человека, больше 15 лет исследующего теории заговора. Хотя количественных исследований этой темы фактически нет, на какие-то данные мы опираться можем. Согласно исследованию агентства «Медиалогия», количество упоминаний различных теорий заговора («заговор историков против России», масонский заговор, ГМО как заговор) за последние семь лет выросло в шесть–девять раз². Среди теорий, покоровших сердца россиян, есть и всемирно популярные — о том, что СПИД придуман в медицинских лабораториях, а Земля плоская, — и традиционные, характерные только для российского общества, — об антироссийском заговоре.

Идея о том, что Россия ежесекундно подвергается атакам Запада снаружи и изнутри при содействии «пятой колонны вредителей», волнует умы многих (или, по крайней мере, занимает обширное пространство в публичной сфере): книжные полки российских магазинов в разделах «история» и «политология» ломятся от работ о «врагах России». Многочисленные телешоу рассказывают об ущербе,

который наносят российскому государству и его гражданам западные политики и их «марионетки». А во время украинского кризиса 2014–2016 гг. казалось, что российское общество буквально помешалось на поиске внутренних врагов национального единения на почве «возвращения» Крыма.

Однако события 2014 г. и охватившая тогда российское общество волна паранойи (отголоски которой мы чувствуем и сегодня) тесно связана с другим важнейшим политическим событием XX в. — развалом СССР, произошедшим в 1991 г. и во многом обусловившим российскую культуру заговора конца XX и начала XXI вв. Распад СССР — центральный элемент российской культуры заговора и, если угодно, главная конспирологическая теория постсоветского периода. Кто способствовал развалу громадного государства за считанные месяцы 1991 г.? Имел ли место сговор советского и российского руководства с геополитическим врагом СССР — США? Куда после 1991 г. делось золото партии? Кто стоял за планом перестроечных реформ и насколько советское руководство подготовилось к тяжелейшему трансферу власти? Все эти вопросы будоражат как обычных граждан, так и элиты. Недоверие, пропитавшее все слои российского общества, распространилось и на тех, кто был у руля государства в годы коллапса и неолиберальных экономических реформ. Потрясение от развала империи не обошло стороной и руководство страны (вспомним восприятие Путиным демонстраций в Германии в 1989 г.), поэтому некоторые предложения о радикальном отделении России от мира (или, вернее сказать, от Запада) нередко становятся стратегическими

концептуальными решениями для российского правящего класса.

За десять лет до присоединения Крыма и попыток изолировать Россию от западных партнеров Михаил Юрьев, известный бизнесмен, в прошлом депутат и заместитель председателя Госдумы, опубликовал статью под названием «Крепость Россия: концепция для президента», в которой приветствовал культурную изоляцию России от Запада с целью сохранения нации³. Чрезмерная открытость, по словам Юрьева, грозит России разрушением. Эта идея, мягко говоря, не уникальна и отсылает к радикальным взглядам славянофилов второй половины XIX в., а также к политической и культурной изоляции времен холодной войны, когда конспирологическое деление мира на своих и чужих было идеологически легитимно. Однако для молодой путинской России, на ранних этапах готовой даже вступить в НАТО, предложение Юрьева стало знаком времени: именно в том году начался полномасштабный идеологический поворот в сторону антизападничества. Юрьевская статья оказалась во многом визионерской: то, что в 2004 г. начиналось как попытка предложить альтернативную повестку и приручить теории заговора с целью разрушить репутацию политических оппонентов Кремля, к 2019 г. превратилось в культурный мейнстрим: что бы ни происходило в России или у ее границ — все это коварные козни Запада. Точка. А значит, читалось в работе Юрьева, граждане должны сплотиться вокруг власти, ведь она единственная способна защитить их от внешнего заговора. Объединение народа и власти таким образом вновь сделало бы Россию великой. Хотя в 2004 г. Россия была еще далека от полной

изоляции, а ее элиты вполне интегрированы на Западе, страх потерять власть заставил и продолжает заставлять российский политический класс снова и снова апеллировать к идее заговора и идее «крепости», чтобы найти поддержку в обществе.

Но так бывает не только в России: в США после неожиданной победы Дональда Трампа началась настоящая истерия по поводу влияния Кремля на нового президента и воздействия российских хакеров на выборную систему США⁴. В американском обществе возродились страхи времен холодной войны: согласно многочисленным публикациям в местной прессе, российские интернет-тролли из петербургского Ольгино⁵ и всемогущие хакеры из ГРУ⁶ сумели «взломать Америку». Глубоко мифологизированный образ русского стал важной частью внутривнутриполитической американской повестки⁷, а «русский след» начали видеть за самыми разными событиями в США и во всем мире⁸. «Опасная Россия» вновь стала хорошо продаваться за рубежом, прямо как во времена холодной войны, а прежние иконы либеральной Америки за считанные месяцы превратились в главных провозвестников «русского вторжения» в американскую жизнь⁹. «Параноидальный стиль сознания» (о котором пойдет речь в главе 1), как показал 2017 г., характерен для всех сегментов политического спектра даже самого, казалось бы, демократического общества.

Внутри России у этой истерии было две, на первый взгляд, противоречащие друг другу трактовки. Первая: русофобия на марше во всем мире, что еще раз доказывает, что Россия в кольце врагов. Вторая: русских теперь боятся, как в прежние времена, а это успех!¹⁰ Страхи

американцев послужили подпиткой чувства гордости россиян и подтверждением того, что Россия и в самом деле перевернула шахматную доску американской политики. Результаты американского расследования взаимоотношений Трампа с Кремлем и степени влияния российских хакеров на Facebook продемонстрировали, насколько минимальным был эффект этих усилий со стороны России¹¹. Тем не менее, я уверен, многие остались убеждены в том, что все подобные доказательства — плод очередного антирусского заговора.

Удивительно, насколько российское и американское общества похожи в своем стремлении повсюду находить заговоры. Конспирология была и остается основополагающим элементом национальной идентичности, политики и популярной культуры американцев¹². Историк Тим Мэлли даже назвал свою книгу на эту тему «Империя заговора»¹³, и этой же теме посвящены многочисленные работы, исследующие феномен теории заговора в мировой науке. Внимательный сравнительный анализ демонстрирует, что, несмотря на все социокультурные расхождения, Россия и США имеют много общего в плане «культур заговора». Именно этот термин, предложенный британским историком Питером Найтом для описания традиции теории заговора в США, я и буду использовать для описания объекта своего исследования.

В российской истории последних нескольких веков страхи заговора возникают регулярно¹⁴ — под подозрением оказываются то франкмасоны, то евреи, то католики, то разные шпионы, — точно так же как и в США¹⁵. Идея «Москва — Третий Рим» имеет определяющую роль для российской националистической традиции

и легитимирует восприятие России как особенного, не похожего на другие государства, имеющего глобальную миссию, которой угрожают коварные планы извне¹⁶. Точно так же в США концепция «Города на холме» — мессинской идеи об избранности американского народа — со времен основания первых американских колоний играла роль катализатора страхов заговора¹⁷. В течение большей части XX в. и в США, и в СССР идеологии конструировались вокруг идеи противостояния мощнейшему врагу, который строит разнообразные козни, чтобы уничтожить соперника. С окончанием холодной войны эти идеи, как показывает практика, не исчезли, но с разной степенью силы вновь проявились и в США, и в России.

Однако между американской и российской культурами заговора есть одно важное различие: в США теории заговора традиционно вырастают с низовых уровней общества как реакция на меняющиеся социально-культурные и политэкономические условия, но при этом по большей части остаются на обочине политической риторики. Исключения немногочисленны, и, пожалуй, самое яркое — «охота на ведьм» середины XX в., когда на несколько лет одним из главных политиков в стране стал конгрессмен Джо Маккарти, буквально во всем видевший происки коммунистов¹⁸. В результате его деятельности тысячи людей были уволены по подозрению в шпионаже и сочувствии СССР. Итогом этой паники стал своеобразный неформальный запрет на использование риторики заговора в политической речи, традиционно сохранявшийся до прихода в Белый дом Дональда Трампа¹⁹.

В постсоветской России, напротив, именно политические и интеллектуальные элиты выступают основными

производителями, распространителями и выгодоприобретателями теорий заговора. Во многом это похоже на происходящее в авторитарных государствах Латинской Америки, стран Ближнего Востока и Малой Азии. В Турции идея «глубинного государства» стала важным инструментом внутренней мобилизации для сторонников авторитарного режима Эрдогана²⁰. Как показал Нефес Тюркай, на протяжении второй половины XX в. эта идея была важным инструментом мобилизации сторонников различных политических движений²¹. Ее даже удалось успешно экспортировать в США, где «глубинное государство» породило одну из самых популярных теорий заговора последнего времени — движение QANON²². Политолог Мэтью Грей в исследовании конспирологии в арабских странах Ближнего Востока назвал государство главным «рассказчиком теорий заговора»²³. Грей продемонстрировал, что эти теории стали важным способом легитимизации политических режимов и способствуют социальному сплочению граждан в периоды, когда общество сталкивается с растущими экономическими и социальными трудностями. Это позволяет лидерам ближневосточных государств удерживать власть в своих руках. То же можно сказать и о России последних 15 лет, однако здесь присутствует одна сугубо российская особенность: местная политическая элита стремится превратить теории заговора в популярный политический инструмент общественной мобилизации в период наибольшего за весь постсоветский период экономического процветания. Почему так происходит — я попытаюсь рассказать на страницах этой книги.

Моя цель одновременно проста и довольно амбициозна: несмотря на изредка появляющиеся публикации

о теориях заговора в России, пока нет ни одной работы, которая доходчиво и концептуально объясняла бы природу этих теорий и способы, которыми их можно научно изучать. В последние годы в зарубежной историографии стало появляться больше работ, связанных с российской культурой заговора, тем не менее в самой России на этот счет до сих пор существует масса предубеждений и присутствует непонимание того, что такое теории заговора²⁴. Эта книга — попытка осмыслить эволюцию конспирологического мышления в постсоветское время, основываясь на текстах представителей политической и интеллектуальной элиты России. В то же время это и попытка открыть научную и общественную дискуссию о том, что такое культура заговора в России, и помочь всем нам, интересующимся этим вопросом, отразиться, насколько мы сами погружены в культуру заговора и в какой мере может быть нормальным верить в заговор.

Рассматривать теории заговора в отрыве от политической повестки дня, разумеется, можно. Однако для лучшего понимания того, почему конспирология в качестве объяснения происходящему приемлема для многих россиян, стоит взглянуть на два эпиграфа к этой части книги. Первый — известная цитата Виктора Пелевина об «антирусском заговоре» как производной массовых иллюзий и снятия с себя ответственности за происходящее. Теории заговора часто определяются как способ взаимодействия с реальностью, в которой человек, верящий в заговор, склонен делать это из чувства собственного бессилия²⁵. Социальная критика раннепостсоветского общества указывает здесь на традиционное представление о чьей-то ответственности за происходящее, вульгарно описываемое

фразой «опять американцы нагадили в подъезде». Популярность этой объяснительной модели с начала 1990-х, гениально отраженная Пелевиным, указывает на одну из форм бытования и популяризации теорий заговора в российском обществе, часто используемую провластными или националистическими авторами.

Второй эпиграф — строчка из песни Оксимирона «Все переплетено». Эта песня — яркое, полное метафор полотно об условно-мифическом месте Горгороде, где вся власть монополизирована криминальным Левиафаном с всесильным и коррумпированным мэром. Писатель-протагонист Макс описывает эту реальность, где все друг с другом связаны через семейные или коррупционные связи, а допустить мысль о том, что даже самый параноидальный сценарий событий может оказаться реальностью, — часть возможных опций. И этот образ не так далек от российской повседневности²⁶. Песня, созданная спустя почти два десятилетия после текста Пелевина, показывает другую плоскость бытования и использования теорий заговора — как часть модуса мышления российской политической оппозиции правящему режиму, как способ его социально-политической критики, пусть и своеобразной.

В этих двух плоскостях мы и будем рассматривать феномен теорий заговора в постсоветском контексте. Мы разберем причины того, почему российские политические и интеллектуальные элиты (как провластные, так и либеральные) столь часто используют в своих кампаниях теории заговора и как это помогает бороться за власть в обществе. Поскольку рынок производства теорий заговора направлен прежде всего на внутрисоссийское

потребление, я сфокусируюсь на том, как достигается общественная мобилизация в поддержку той или иной политической платформы через теории заговора, как эти теории помогают создать национальную идентичность, а также как они способствуют общественному сплочению.

На страницах книги я попытаюсь дать ответы на следующие вопросы:

- Какую роль играют публичные интеллектуалы в процессе создания и распространения теорий заговора?
- Какие ключевые события прошлого и настоящего способствовали популярности теорий заговора на постсоветском пространстве?
- Как политические и интеллектуальные элиты постсоветской России используют конспирологические концепты, появившиеся в имперский и советский период?
- Как теории заговора становятся инструментом электоральных процессов?
- Как теории заговора помогают сохранить и преумножить власть правящих элит и как они используются оппозиционными Кремлю движениями?
- Какова роль теорий заговора в эскалации кризиса в Украине в 2014–2016 гг.?

Процесс демократизации, запущенный Михаилом Горбачевым в конце 1980-х, помог создать в России ключевые институты демократического общества, которые, впрочем, позднее, в 2000-х, были сильно изменены

и дискредитированы правящими политическими элитами. Транзиту российского государства к авторитарному режиму способствовали, в частности, теории заговора, подрывающие репутации политических оппонентов и легитимирующие авторитарное законодательство. Тем не менее эти идеи до сих пор рассматриваются как неотъемлемая часть маргинальных идеологий — как эксцентрические и параноидальные. В этой книге я пытаюсь «нормализовать» теории заговора, найти другой способ описания этих идей, показав их центральное место в политическом дискурсе любого политического режима. А для этого необходимо обратиться к истории исследования явления и взглянуть на то, какие способы изучения теорий заговора в последние несколько десятилетий используют западные коллеги.

Глава 1

Как изучать теории заговора?

Это, пожалуй, один из ключевых вопросов книги: как можно изучать нечто настолько странное, как теории заговора? Тем более в России, где не было проведено ни одного количественного и качественного исследования этого явления. Тем не менее задел уже есть: за последние 20 лет в зарубежной славистике был опубликован ряд работ о разных аспектах культуры заговора в России. Кит Ливерс¹, Элиот Боренстайн² и Тигран Амирян³ исследовали теории заговора в современной постсоветской литературе, а Ольга Сконечная изучила русский параноидальный роман XX в.⁴ Юлия Федор проследила эволюцию теорий заговора, связанных со спецслужбами⁵. Анна Разуvalова⁶ проанализировала современные российские документальные фильмы, а Александр Панченко⁷, Анастасия Астапова⁸, Александра Архипова и Анна Кирзюк⁹ исследовали конспирологическую компоненту в современных российских фольклорных практиках. Сергей Голунов проанализировал, как теории заговора проникают

в российское образование через учебники¹⁰, а Марлен Ларюэль¹¹ и Константин Шейко¹² — как эти теории становятся ключевой интерпретативной рамкой исторического прошлого. Были также предприняты попытки рассмотреть теории заговора в качестве элемента внешней политики¹³ и международных отношений¹⁴, а также взглянуть на то, как обстоит дело с ними в бывших советских республиках¹⁵.

На русском языке было напечатано несколько работ, освещающих теории заговора на постсоветском пространстве. В 1999 г. Вардан Багдасарян выпустил монографию о развитии конспирологических идей в новое и новейшее время. Он рассмотрел огромное количество текстов, содержащих теории заговора и появившихся в русской интеллектуальной мысли за период с XVIII до начала XXI в.¹⁶ Похожий подход избрал и Михаил Хлебников, изучивший эволюцию конспирологического сознания от позднего Средневековья к настоящему времени через историю тайных обществ¹⁷. Виктор Шнирельман сфокусировался на специфических теориях заговора антисемитского характера, проследив связь между антисемитизмом и эсхатологическими концепциями, популярными в постсоветской России¹⁸. К сожалению, все три перечисленные работы обладают общим недостатком: отсутствием четкого методологического аппарата, позволяющего детально проанализировать не только структуру теорий заговора, распространенных в российском обществе, но и причины их успеха. Учитывая популярность теорий заговора в политическом мейнстриме путинской России, требуется новый, более концептуальный подход к их изучению.

Америка: колыбель изучения теорий заговора

Ни в одной другой стране мира теории заговора не заметны в публичном пространстве так, как в США. Первые колонисты, прибывшие покорять Новый Свет, будучи людьми радикально религиозными, всюду видели попытки уничтожить проект «Город на холме». С начала истории первых поселений до восстания против британцев в 1776 г. по колониям прокатилось несколько волн паники по поводу внутренних врагов — католиков, индейцев, а затем и ведьм. «Сражение за Бога против заговора Сатаны оправдывало жестокость, а зверства были самым обычным делом»¹⁹. Самым ярким проявлением этой подозрительности и жестокости стало противостояние коренным жителям — индейцам, которые в первые десятилетия существования поселений оказались главным врагом колонистов, воплощавшим в себе образ «другого». Исследователи отмечают, что конфликт с индейцами сыграл важную роль в формировании американской культуры заговора. «В то время, когда много внимания уделяется Соединенным Штатам как “нации заговора”, важно осознать, что данная культура заговора простирается за границы истории государства, характеризуемая паранойей, укорененной в самом процессе колонизации континента»²⁰.

Ожесточенные войны с местным населением — индейцами — вынуждали многих поселенцев обратиться к идее о том, что за индейцами — менее технологически развитыми — стоит всесильный враг, вождь, управляемый геополитическим противником, Францией²¹. В других случаях

внутренний враг воспринимался эсхатологически — сам Дьявол стремился уничтожить население колоний через своих посланниц — ведьм. «Я в действительности намерен подорвать целый заговор Дьявола против Новой Англии, во всех его проявлениях», — писал бостонский священник Котон Мэттер во время процесса над салемскими ведьмами — одного из первых случаев массовой паники, вызванной страхом заговора²². Позднее, в 1741 г., пожар в Нью-Йорке породил очередную волну паники по поводу влияния католиков на американскую жизнь: «Римские католики управляли большей частью Европы и вели войну с протестантской Англией и ее колониями веками... Более того, римские католики были признанными знатоками, хитрыми и искушенными интриганам, практикующими заговор, вранье и секретность»²³.

Однако по мере развития колоний и роста экономической независимости врагом стали видеть британскую метрополию. Как писал американский историк Бернард Бейлин, одним из первых отметивший влияние идей заговора на формирование революционной идеологии американских колоний, теория политики предреволюционной эры интерпретировала все происходящее на политической арене с точки зрения возможностей человека или группы людей установить контроль над жизнью и деятельностью другого человека с помощью аккумулированной власти²⁴. Введение британцами новых налогов и повышение существующих воспринималось поселенцами как часть «зловещего плана», нацеленного на подрыв их самостоятельности. Джордж Вашингтон, один из лидеров революционеров, один из отцов-основателей республики и первый американский президент, писал:

«Пока я абсолютно уверен, как в моем собственном существовании, что есть систематический, постоянный план, сформированный против колоний, и ничто, кроме единогласия в колониях (удар, которого они не ожидали) и стойкости, не может его остановить»²⁵.

После американской революции примерно каждое десятилетие в обществе возникали страхи заговора, связанного то с эмиграцией²⁶, то с масонами и иллюминатами²⁷, то с католиками²⁸, то с крупным бизнесом²⁹ или евреями³⁰. Неудивительно, что в такой яркой культуре заговора возник и сам термин. Согласно австралийско-британскому историку Эндрю Маккензи-Макхаргу, выражение «теория заговора» впервые появилось на четвертой странице газеты *St. Louis Daily Globe-Democrat* в выпуске от 5 июля 1881 г. и относилось к делу о покушении на убийство американского президента Джеймса Гарфилда³¹. Спустя почти 60 лет философ Карл Поппер во втором томе работы «Открытое общество и его враги» использовал схожий термин «заговорщицкая теория общества», и с тех пор термин «теория заговора» стал прочно ассоциироваться с осмыслением мира современным человеком.

Именно в середине XX в. и именно в США начинается академическое изучение теорий заговора. К концу века эта волна докатилась и до Европы, и даже до бывших социалистических стран. В середине 1950-х гг., озабоченный атмосферой паранойи и шпиономании, связанных с активностью сенатора Джо Маккарти, американский историк Ричард Хофстедтер сфокусировал свое внимание на традиции американской культуры заговора XIX–XX вв., сформулировав знаменитую идею о «параноидальном стиле американской политики» и выявив ключевые

черты теорий заговора. Хофстэдтер описал видение мира автором теорий заговора через объединение клинического термина «параноидальный» с историческим анализом разнообразных событий в политической истории США. Историк изобразил теоретика заговора как параноидальную личность, во всем способную найти доказательства существования тайного плана управления миром. Этот персонаж погружен в личную драму одиночной схватки с безумно рациональным и изошренным врагом, который не совершает ошибок. Сама история для этого человека — один сплошной глобальный заговор³².

Концепция Хофстэдтера, делающая акцент на психологической компоненте в теориях заговора, на многие десятилетия стала доминирующей при изучении феномена. Хофстэдтеру главная опасность виделась в праворадикальной риторике: именно этот политический спектр представлял Джо Маккарти. В 1990-е сын известного советолога Ричарда Пайпса, Дэниел, под влиянием холодной войны распространил присутствие «параноидального стиля политики» и на леворадикалов, уделив в своей книге много внимания СССР и, в частности, Иосифу Сталину³³. Работы, написанные в этом русле, изображали теории заговора исключительно как часть нездорового восприятия действительности, а людей, разделяющих эти идеи, — как жадных до власти и глубоко уверенных в том, что ничто не происходит случайно, а лишь в результате тайного сговора влиятельных людей³⁴.

Безусловно, такое упрощение не могло служить сколько-нибудь эффективному изучению конспирологии. Ни Хофстэдтер, ни его последователи не сумели предложить четкого метода исследования. Напротив, Пайпс

призвал каждого, кто озабочен популярностью параноидального стиля в политике, присоединиться к «вечной борьбе» против теорий заговора, где бы ни проявились их черты³⁵. Американский культуролог Джоди Дин заметила, что подобный подход сам по себе сравним с параноидальным стилем³⁶. Конечно, он помог выявить ключевые черты теорий заговора, но не годится для сбалансированного анализа этого противоречивого явления.

Другой подход рассматривает теории заговора как инструмент политических манипуляций. Дело в том, что в конце 1980–1990 гг., когда он был сформулирован, одной из главных проблем безопасности в США была деятельность крайне правых организаций. Их активность, а также террористические акты (например, взрыв в Оклахоме, устроенный в 1995 г. Тимоти Маквеем) послужили серьезным стимулом к тому, чтобы попытаться понять логику действий сторонников праворадикальных теорий заговора. Ученые, придерживающиеся этого подхода, утверждают, что совершенно неверно изображать правых популистов как психопатов и экстремистов, поскольку они могут отражать взгляды обычных граждан — наших соседей, коллег, — чьи чаяния связаны с обычными повседневными проблемами³⁷. Таким образом, теории заговора могут быть восприняты как продукт маргинальных праворадикальных групп, опирающихся на антиэлитистскую, популистскую риторику, которую могут использовать различные политические движения.

Оба подхода отчасти содействуют дальнейшему пониманию природы теорий заговора, однако ни один не способен объяснить их популярность в современном мире. Теории заговора могут использоваться **не только**

как инструменты политической борьбы, а их сторонники не всегда страдают психическими расстройствами. Более того, как показывает практика, называть параноиком каждого, кто верит в теории заговора, непродуктивно, поскольку то, во что эти люди верят, часто связано с серьезными социоэкономическими, культурными и политическими проблемами³⁸. Не стоит забывать и того, что многие теории заговора эксплуатируют знание о прошлых, реально существовавших тайных договоренностях политиков. Поэтому представление о конспирологии как стигматизированном знании как минимум неполно, и ее изучение требует новых методологических инструментов.

Теории заговора – это нормально

Чрезвычайная популярность теорий заговора, захлестнувшая США в 1990-е гг. (эта волна докатилась и до постсоветской России, вспомнить хотя бы повышенный интерес к сериалу «Секретные материалы»), способствовала переосмыслению этого явления научным сообществом. Оказалось, что теории заговора привлекательны как способ постижения мира не только для фанатиков-маргиналов. В действительности они могут быть особенным **способом рационального мышления**, своеобразным порталом, «через который обсуждаются социальные явления»³⁹. Сторонники нового взгляда обращают внимание на то, что предыдущие попытки объяснить конспирологию способны только локализовать ее среди маргинальных право- и леворадикальных групп, в то время как в конце XX в.

теории заговора вырвались за пределы этого идеологического гетто. Теперь они — важный элемент современной культуры, присутствующий в кинематографии, музыке, литературе⁴⁰. Как в связи с этим можно проанализировать, кто наиболее склонен верить в теории заговора? Есть ли психологические предрасположенности к такой вере? Какие истории могут считаться теориями заговора, а какие нет? Как быть с историческими фактами, лежащими в основе конспирологии? Делают ли они теории заговора более легитимными?⁴¹

Типичная фраза, с которой начинается обсуждение той или иной теории заговора, «Я не конспиролог, но...» совершенно ясно отражает природу конспирологии, ее положение в повседневной проблематике как «подавленного знания» (используя терминологию Мишеля Фуко⁴²). Джек Братич в связи с этим отмечает, что теории заговора являют пример того, как официальный дискурс, обладающий большей властью и легитимностью, может подавлять знания, несущие информацию о существенных общественных конфликтах⁴³. В последние два десятилетия представители различных областей науки — историки, антропологи, социальные психологи, религиоведы, политологи, социологи и культурологи — проделали огромную работу, стараясь прояснить концептуальные и дисциплинарные особенности изучения феномена, продвинуть вперед исследование теорий заговора и тех, кто в них верит, и внесли огромный вклад в изучение этого явления.

Выяснилось, что оно не настолько уж маргинально⁴⁴. Социальные психологи установили, что вера в заговор может объясняться склонностью к недоверчивости и подозрительности. Если кто-то верит в одну теорию заговора,